

БОЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

«Загрязнение» стало сейчас модным, причём точь-в-точь как революция: оно целиком захватывает жизнь общества и при этом иллюзорно представлено в спектакле. Это — невыносимо скучная болтовня в горах исписанной бумаги и никому не нужных речах, ложных и лживых, но именно оно на самом деле держит мир за горло. Оно заявляет о себе повсюду как идеология и завоёвывает всё новые позиции как реальный процесс. Два этих противоположных движения, финальная стадия товарного производства и замысел её полного отрицания, одинаково богаты на внутренние противоречия и вместе набирают силу. Они вместе свидетельствуют о наступлении того долгожданного исторического момента, который многие предсказывали, правда не вполне отгадав его обличье: это невозможность дальнейшего функционирования капитализма.

Эпоха, обладающая достаточной технической мощностью, чтобы радикально ухудшить условия жизни на всей планете Земля, благодаря тому же развитию техники и отдельно науки обладает также и всеми возможностями контролировать и заранее просчитывать с математической достоверностью, к чему — и когда именно — приведёт самопроизвольный рост отчуждённых производственных сил в классовом обществе: иными словами, определить скорость стремительного ухудшения даже самих условий выживания, как в очень широком, так и в самом примитивном смысле слова.

Пока глупцы-пассеисты ещё заняты спорами о критике всего происходящего с *эстетических* позиций, и чтобы дока-

зять свою прозорливость и современность, прикидываются, будто лучше всех понимают наш век, заявляя об особой красоте автомагистралей или застройки в Сарсель¹, которую мы должны предпочесть неудобству «живописных» старых кварталов, или говоря с важным видом, что в целом население теперь лучше питается, в пику тем, кто тоскует по хорошей кухне, — тем временем проблема тотального разрушения природной и человеческой среды давно уже не стоит в прежней плоскости так называемых качеств, эстетических или иных; она переросла в острую проблему *материальной возможности дальнейшего существования* мира, если он будет двигаться в том же направлении. А невозможность этого на самом деле уже прекрасно доказана всеми науками по отдельности, и спор среди учёных ведётся лишь о сроках; и ещё о тех полумерах, которые могли бы при их последовательном применении ненадолго отсрочить конец. Всё, что может сделать такая наука для мира, который её породил и *вцепился в неё* обеими руками, — это составить ему компанию на пути к разрушению; но идти она вынуждена с открытыми глазами. Вот до карикатурности наглядная демонстрация того, что знания бессмысленны без их применения.

Измеряют и с безупречной точностью фиксируют быстрый рост химического загрязнения окружающего воздуха; воды в реках, озёрах, и уже океанах, и необратимое повышение радиационного фона, вызванное развитием *мирного* атома; шумовое загрязнение; захват территорий различной продукцией из пластика, которая может рассчитывать на вечную жизнь в мировой свалке; угрозу перенаселения; бессмысленное вытеснение пищи суррогатами; урбанистическую чуму, бушующую на месте прежних городов и деревень; как и психические заболевания — включая фобии и галлюцинации, которые не преминули разрастись на почве того же загрязнения, о котором кричат на каждом углу, — и самоубийства, скорость распространения которых идеально совпадает со скоростью застройки упомянутых мест (это не говоря уже о последстви-

ях нависшей дамокловым мечом ядерной или бактериологической войны, все средства для которой уже есть, хотя, очевидно, её возможно избежать).

Словом, если про «страхи тысячного года»² историки до сих пор спорят, насколько они были распространены и даже были ли они вообще, страх перед двухтысячным годом настолько же очевиден, насколько и обоснован; отныне это подтверждено *наукой*. В то же время происходящее не является чем-то в корне новым: это лишь *неизбежный результат* давно запущенного процесса. Общество, всё более болезненное, но и всё более могущественное, повсюду воссоздало вокруг себя мир, служащий сразу и средой, и декорацией для собственной болезни, — создало *больную планету*. Общество, всё ещё неоднородное, определяемое не собой, а *всё более* лишь малой частью из своего числа, внешней по отношению к обществу, но поставившей себя над обществом, породило такое движение по господству над природой, над которым теперь ничто не господствует. Капитализм своим развитием сам предоставил, наконец, доказательство того, что он *не может далее развивать производственные силы*; и речь не о *количественном* развитии, как многие могли подумать, а о развитии *качественном*.

Впрочем, для буржуазной мысли только количественные показатели методологически убедительны, измеримы, действительны; а качественные — это что-то субъективное, вроде сомнительной обёртки, которую для красоты надели на подлинную действительность, оцениваемую точно, на вес. Для диалектической мысли, а значит для истории и пролетариата, напротив, именно качество является определяющим критерием для подлинного развития. Что мы в конце концов и докажем, мы и капитализм.

Те, кто стоит у руля, вынуждены теперь говорить о загрязнении, и чтобы бороться с ним (ведь в конце концов они живут на одной с нами планете; если капитализм в чём-то и сблизил классы, то только в этом смысле), и чтобы замаскиро-

вать его: ведь одно только осознание вредных воздействий и существующих рисков уже стало бы мощнейшим поводом для восстания, *материалистическим* требованием пролетариата, таким же жизненно важным, как двигавшая пролетариями XIX века невозможность прокормить себя. Когда все прошлые формы реформизма потерпели крах — а все они намеревались окончательно решить проблему классов, — объявился новый реформизм, подчинённый всё тем же задачам: смазать шестерёнки системы и открыть перед передовыми предприятиями новые возможности получения прибыли. Самый современный сектор промышленности тут же бросился на новый рынок сдерживающих загрязнение средств, обещающий большие прибыли, ведь там вертится значительная часть монополизированного государством капитала. Конечно, этот новый реформизм заранее обречён на провал по тем же причинам, что и все предыдущие, но он имеет одно кардинальное отличие от них: *у него совсем нет времени впереди.*

Развитие производства до сих пор полностью соответствовало сценарию *политической экономики*: оно было развитием нищеты, захватившей и испортившей саму среду жизни. Общество, где рабочие губят себя на производстве и могут лишь со стороны смотреть на результаты своей работы, теперь прямо даёт им увидеть, почувствовать главный результат отчуждения труда, которым является *смерть*. В обществе сверхразвитой экономики всё включено в сферу *экономических благ*, даже вода природных источников и воздух городов, а потому всё оборачивается *экономическим злом*, «окончательным отрицанием человека», достигшим своего *совершенного материального выражения*. Конфликт современных производственных сил и производственных отношений капиталистического общества (и буржуазных, и бюрократических) входит в заключительную стадию. Линейный, накопительный процесс производства не-жизни всё ускорялся и дошёл в своём развитии до высшего уровня: теперь он непосредственно производит смерть.

В мире, где труд повсеместно стал товаром, центральной, всеми признанной и важнейшей задачей экономики, поддерживающей власть господ, становится *производство рабочих мест*. Что показывает, как далеко мы от передовых идей прошлого века о сокращении количества человеческого труда за счёт увеличения производительности средствами науки и техники, благодаря чему, по задумке, все нужды, которые *ранее признавались объективно существующими*, удовлетворялись бы всё легче и легче, причём без *кардинального ухудшения* качества ставших доступными благ. Сегодня же именно для «создания рабочих мест», даже в сельских районах, откуда ушли все крестьяне, то есть для того, чтобы использовать человеческий труд как *отчуждённый труд*, как наёмный труд, делается уже *всё остальное*, а значит мы по-глупому подвергаем угрозе самые основы существования человечества, которые сейчас не прочнее идей какого-нибудь Кеннеди или Брежнева.

Самому по себе старику-океану нет дела до загрязнения; но истории — есть. Она может быть спасена лишь путём отказа от труда как товара. И никогда ещё историческое сознание не знало такой острой необходимости подчинить себе свой же мир, потому что враг, который стучится в ворота, это уже не иллюзии, а его смерть.

Если даже жалкие властители этого общества (плачевные плоды деятельности которых на наших глазах превосходят самые радикальные пророчества утопистов прошлого) вынуждены теперь признавать, что окружающая среда стала общественным делом, и что обеспечение *любых* нужд напрямую стало вопросом *политики*, вплоть до того, растут ли травы на полях и где напиться воды, и можно ли уснуть, не злоупотребляя снотворным, или сходить в душ, не слишком страдая от аллергии, — то в такой ситуации очевидно, что старой, специализированной политике придётся признать и свой конец.

Конец пришёл и высшей форме её волюнтаризма: тоталитарной власти бюрократий так называемых социалисти-

ческих режимов, потому что стоящие у руля бюрократы показали свою неспособность совладать даже с предыдущей стадией капитализма. Если они и загрязняют гораздо меньше — на одни только США приходится 50% всех выбросов в мире — то лишь потому, что гораздо беднее. Всё, что они могут — это выделить непомерную часть своего нищенского бюджета, как, например, сделал Китай, чтобы вместо загрязнения кичливо демонстрировать свою убогую мощь посредством повторных открытий и усовершенствований технологий ведения ядерной войны, или, вернее, её грозного спектакля. Такая материальная и умственная нищета вкупе с таким уровнем государственного террора не оставляют шанса бюрократам у власти. Что до буржуазии, самые современные её формы также обречены, потому что их богатство *уже отравлено*. Всё, что может предложить так называемое демократическое правительство любой капиталистической страны, это разные выборы-отставки, которые, как мы всегда видели, мало что меняют даже в деталях, и совсем ничего — в самой системе классового общества, полагавшей, что сможет существовать вечно. И тем более они ничего не меняют, когда сами власти для решения своих второстепенных, но неотложных задач мечутся и даже делают вид, что прислушались к расплывчатым требованиям отчуждённого и оуплённого электората (США, Италия, Англия, Франция). Все специализированные наблюдатели всегда указывали (правда, не слишком обременяя себя объяснением причин), что избиратель почти никогда не меняет «мнения». Причина этого как раз в том, что он избиратель, то есть тот, кто на краткий миг берёт на себя довольно абстрактную роль, единственная цель которой — помешать ему быть самим собой и изменяться (метод уже сто раз объяснялся как разоблачительным политическим анализом, так и революционным психоанализом). Избиратель тем более не меняется, когда мир начинает меняться вокруг него всё быстрее, и *как избиратель* он будет неизменен даже перед самым концом света. Вся пред-

ставительная система *консервативна* по своей сути, в то время как условия жизни капиталистического общества никогда невозможно было поддерживать неизменными: они постоянно менялись, и чем дальше, тем быстрее, но возможность решать — а решение в конечном счёте всегда было одно, дать товарному производству идти своим ходом — полностью находится в руках специалистов-газетчиков, чтобы только они и, может быть, их конкуренты с теми же целями были в курсе происходящего, о чём те и заявляют во всеулышание. Однако человек, «свободно» пришедший голосовать за голлистов или за ФКП, равно как и тот, кого загнали голосовать за Гомулку³, буквально неделей позже может показать, кто он на самом деле, участвуя в спонтанной стачке или восстании.

Так называемая «борьба с загрязнением» в её официальном-государственном проявлении сперва займётся созданием новых специальностей, министерств, *вакансий*, словом, бюрократическим развитием. И эффективность такой борьбы вполне соответствует её методам. Действенной она может стать, только в корне изменив существующую систему производства. Она не может быть применена, пока все решения не будут приниматься самими рабочими в ходе реальной демократии с полным осознанием последствий, и *контролироваться и исполняться теми же рабочими* (например, суда непременно будут разливать своё топливо по морям, пока они не находятся под реальной властью *матросских советов*). Но чтобы решать и контролировать, рабочие должны повзрослеть; им всем нужно взять всю власть в свои руки.

Научный оптимизм XIX века обрушился сразу по трём причинам. Во-первых, потому что *гарантировал* наступление революции как счастливого разрешения всех существующих конфликтов (заблуждение левых гегельянцев и марксистов; в среде буржуазной интеллигенции оно ощущалось меньше всего, хотя было наиболее ярким и в конечном счёте наименее обманчивым). Во-вторых, из-за представления о том, что Вселенная, да и просто материя, подчинены логи-

ке. И в-третьих, из-за одностороннего и подверженного эйфории взгляда на развитие производственных сил. Если разобратся с первым пунктом, то заодно разрешим и третий; и уже когда-нибудь после найдём способ сладить и со вторым пунктом, чтобы он играл на нас. Нужно лечить не симптомы, а саму болезнь. Сегодня повсюду царит страх, и его не избежать без веры в собственные силы, в возможность самим разрушить всякое существующее отчуждение и любой ускользнувший от нас образ власти. И передать всё, *кроме самих себя*, в единоличную власть Рабочих советов, хранящих и ежеминутно воспроизводящих единство мира, иными словами, в руки истинно разумного порядка, новой легитимности.

В вопросах окружающей среды, «естественной» и искусственной, рождаемости, биологии, производства, «душевных болезней» и т. п. придётся выбирать не между благодеянием и несчастьем, но со всей ответственностью решать на каждом распутье: либо тысячи возможностей, счастливых ли, плачевных, но как-то исправимых, либо небытие. Ужасающие варианты, из которых нам придётся выбирать в ближайшем будущем, оставляют нам единственную альтернативу: полная демократия или полная бюрократия. Тем, кто сомневается в такой демократии, стоит сделать усилие, чтобы увериться в ней, *дав ей убедить себя уже по ходу*; в противном случае им остаётся только купить себе могилу в рассрочку, потому что «Мы видели, что творит власть, и её творенья — её приговор» (Жозеф Дежак⁴).

«Революция или смерть» — этот лозунг перестал быть лирическим возгласом возмущённой совести, теперь это *последнее слово научной мысли* нашего века. Оно справедливо и для угроз, нависших над всем человечеством, и для индивида, который не может просто куда-то примкнуть. Хоть в нашем обществе, как мы знаем, постоянно растёт число самоубийств, специалисты вынуждены были признать, с некоторыми сожалением, что во время майских событий 1968 года во Франции их уровень упал почти до нуля. А ещё та весна

Ги Дебор
СТАТЬИ
И ДЕКЛАРАЦИИ
1952–1985

принесла чистое небо, причём даже без специальных усилий, потому что сгорело несколько машин, а у остальных не хватало бензина, чтоб загрязнять воздух. Когда идёт дождь, когда над Парижем фальшивые тучи, помните — виной тому правительство. Отчуждённое промышленное производство приносит дождь. Революция — ясное небо.

БОЛЬНАЯ ПЛАНЕТА

Пер. с фр. Т. Петухова. Текст, написанный в 1971 г. для публикации в № 13 “Internationale Situationniste”, который так никогда и не был выпущен. Впервые опубл. в 2004 г. в сб. «Больная планета», который помимо одноимённого текста также содержал «Упадок и разрушение товарно-зрительской экономики» и «Точка взрыва идеологии в Китае» (см.: *Debord G. La Planète malade. Paris, Gallimard, 2004. P. 77–94*).

1. Сарсель — населённый пункт, пригород Парижа, где с 1955 по 1970 г. велось активное строительство высотных жилых домов (своего рода «спальных кварталов»).
2. Имеется в виду распространённое среди средневековых западноевропейских христиан представление о наступлении конца света в 1000 г.
3. Владислав Гомулка (1905–1982) — генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., первый секретарь ЦК Польской объединённой рабочей партии в 1956–1970 гг.
4. Жозеф Дежак (1821–1864) — фр. поэт и писатель, один из первых представителей анархо-коммунизма. Цит. фраза относится к авторскому предисловию к произведению «Гуманисфера. Анархическая утопия» (1857).